

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 210–222.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 1 (86). P. 210–222.

Научная статья
УДК 165.0:159.955
doi: 10.54398/1818-510X.2026.86.1.019

**ПРОБЛЕМА СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ МЫШЛЕНИЯ:
АРЕНА БОРЬБЫ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ Н. ХОМСКОГО
И ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО РЕЛЯТИВИЗМА?**

Мулялкина Мария Александровна

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Россия

Marymulya2304@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4648-6592>

Аннотация. Исследование проблемы социокультурной детерминации мышления направлено на выяснение механизмов влияния окружающей материальной и духовной среды на формирование когнитивных процессов. Существующие теоретические подходы к исследованию социокультурного воздействия позволяют выявить антиномию между автономной познавательной деятельностью индивида и его включенностью в социальные структуры, что отчетливо концептуализируется в различии между индивидуальным и коллективным мышлением. Язык, являясь институционализированной практикой, выступает ключевым медиатором социокультурных интеракций, оказывая влияние на функционирование мышления. В статье переосмыслена традиционная оппозиция лингвистического релятивизма и универсальной грамматики Н. Хомского и продемонстрирована их дополнительность в изучении проблемы социокультурной детерминации мышления. Установлено, что универсальная грамматика и лингвистический релятивизм сосредоточены на разных аспектах данного вопроса: универсальная грамматика, фундируясь принципами универсализма и интернализма, рассматривает воздействие среды на индивидуальное онтогенетическое развитие, тогда как лингвистический релятивизм анализирует возникновение культурно-обусловленных различий. Анализ продемонстрировал расхождение исследовательских фокусов концепций: универсальная грамматика концентрируется на социокультурной детерминации индивидуальных когнитивных процессов, тогда как лингвистический релятивизм специализируется на изучении коллективных форм мышления. Признание дополнительности концепций приводит к углублению понимания взаимоотношения языка и мышления, но одновременно ставит новую методологическую задачу: определение строгих границ между индивидуальным и коллективным мышлением в контексте языкового воздействия.

Ключевые слова: взаимоотношение языка и мышления, социокультурная детерминация мышления, гипотеза лингвистической относительности, универсальная грамматика, Н. Хомский, интернализм, лингвистический релятивизм, культурно-обусловленные различия, индивидуальное мышление, коллективное мышление

Для цитирования: Мулялкина М. А. Проблема социокультурной детерминации мышления: арена борьбы универсальной грамматики Н. Хомского и лингвистического релятивизма? // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 1 (86). С. 210–222. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.019>.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

THE PROBLEM OF SOCIOCULTURAL DETERMINATION OF THOUGHT:
A BATTLEGROUND BETWEEN CHOMSKY'S UNIVERSAL GRAMMAR
AND LINGUISTIC RELATIVISM?

Maria A. Mulyalkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Marymulya2304@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-4648-6592>

Abstract. The study of the problem of sociocultural determination of thinking aims to elucidate the mechanisms through which the surrounding material and spiritual environment influences the formation of cognitive processes. Established theoretical approaches to researching sociocultural impact reveal an antinomy between the autonomous cognitive activity of the individual and their embeddedness in social structures, which is clearly conceptualized in the distinction between individual and collective mind. Language, as an institutionalized practice, acts as a key mediator of sociocultural interactions, influencing the functioning of thought. The article reinterprets the traditional opposition between linguistic relativism and Noam Chomsky's universal grammar, demonstrating their complementarity in studying the problem of sociocultural determination of thinking. It is established that universal grammar and linguistic relativism focus on different aspects of this issue: universal grammar, grounded in the principles of universalism and internalism, examines the impact of the environment on individual ontogenetic development, whereas linguistic relativism analyzes the emergence of culturally conditioned differences. The analysis revealed a divergence in the research foci of the two concepts: universal grammar concentrates on the sociocultural determination of individual cognitive processes, while linguistic relativism specializes in studying collective forms of thinking. Recognizing the complementarity of these concepts deepens the understanding of the relationship between language and thought but simultaneously poses a new methodological challenge: defining strict boundaries between individual and collective thinking within the context of linguistic influence.

Keywords: the relationship between language and thought, sociocultural determination of thought, the linguistic relativity hypothesis, universal grammar, Noam Chomsky, internalism, linguistic relativism, culturally conditioned differences, individual mind, collective mind

For citation: Mulyalkina M. A. The Problem of Sociocultural Determination of Thought: a Battleground Between Chomsky's Universal Grammar and Linguistic Relativism? *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 1 (86), pp. 210–222. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.1.019> (In Russ.).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

Согласно подходу М. Томаселло, ключевым отличием человеческой социальности является способность к интенциональности – умению координировать свои действия с другими, абстрагируя общий результат деятельности. Эта возможность, отсутствующая у других приматов, демонстрирующих элементы коллективного поведения, составляет основу уникальности человеческих форм интеракции. Интенциональность объявляется М. Томаселло ключом к совместной деятельности индивидов и фундируется разделением целей и организацией согласованных планов действий [29]. В отличие от приматов, координирующих усилия ради достижения личных задач, люди способны создавать «общего агента» – коллективное Мы, обладающее схожими намерениями, знаниями и ценностями [28, р. 7]. Таким образом, человек, являясь частью социальной группы, становится культурным субъектом, который интериоризирует общие нормы поведения и привержен воспроизводимым практикам сообщества.

Исследование проблемы социокультурной детерминации мышления направлено на выяснение механизмов влияния окружающей материальной и духовной среды на формирование когнитивных процессов. При работе с упомянутым вопросом

необходимо выделять два взаимосвязанных аспекта анализа: с одной стороны, отдельного внимания заслуживает роль социокультурной среды в индивидуальном когнитивном развитии, а с другой – важным представляется становление специфической картины мира под воздействием традиционных для сообщества практик. Такая двойственность отражает фундаментальную особенность онтогенетического развития человека, который одновременно выступает и как автономный мыслящий субъект, и как носитель коллективных представлений группы, частью которой он является.

Существующие теоретические подходы к исследованию социокультурного влияния позволяют выявить антиномию между автономной познавательной деятельностью индивида и его включенностью в социальные структуры, что отчетливо концептуализируется в различии между индивидуальным и коллективным мышлением. Индивидуальное мышление в данной связи необходимо понимать как способность субъекта, находящегося в определенных социокультурных условиях, к автономной и креативной мыслительной позиции [8, с. 4], а коллективное мышление – как представления и знания, которые формируются благодаря социальной интеракции субъектов и следованию рациональным и иррациональным практикам (например, социальным, экономическим, политическим, языковым и др.), принятым в определенном сообществе.

Современные исследования подчеркивают мысль об интеграции функционирующих социальных норм в индивидуальное мышление, внося вклад в формирование концепта коллективного мышления. Как отмечают теоретики, социальные условия формируют общее понимание мира и когнитивные привычки [21], обеспечивая «когнитивную разгрузку» посредством бессознательной координации действий в контексте выполнения разделяемых практик [26]. Например, Ш. Галлахер развивает концепцию социально расширенного разума, где институты (например, право, наука) выступают активными участниками когнитивных процессов, в отсутствии которых само мышление о данных практиках было бы невозможно [19]. Э. Хатчинс показывает, что познание распределено между людьми, артефактами и практиками: даже очередь представляет собой когнитивную систему, где смысл возникает через материальные маркеры и социальные нормы [22].

Проблема взаимоотношения языка и мышления имеет фундаментальное значение для понимания механизмов социокультурной детерминации мышления. Будучи институционализированной социальной практикой, лингвистическая система выступает ключевым медиатором в социокультурном взаимодействии, оказывая влияние как на формирование индивидуального, так и коллективного мышления.

Известные решения проблемы взаимоотношения языка и мышления представляют стратегии универсальной грамматики Н. Хомского и лингвистического релятивизма. Оба подхода акцентируют внимание на когнитивной функции языка, трансформирующей человеческое мышление. Исследовательские перспективы данных направлений предполагают два взаимодополняющих подхода: универсальная грамматика выявляет инвариантные механизмы функционирования языковой способности, тогда как лингвистический релятивизм проясняет вариативность вербально-семантического комплекса в мышлении носителя.

Статья ставит своей целью определить, какие аспекты социокультурной детерминации мышления рассматриваются в рамках каждой из анализируемых теоретических парадигм, а также выявить особенности механизмов функционирования языкового мышления в универсалистской и релятивистской традициях.

Основная часть

Экспликация форм мышления в проблеме социокультурной детерминации: стратегия универсальной грамматики Н. Хомского

В рамках теории универсальной грамматики лингвистическая компетенция рассматривается как врожденная способность индивида к порождению бесконечного множества предложений посредством рекурсивной операции Merge, осуществляющей

соединение словоподобных объектов языка мышления [7; 14]. Трактовки термина «язык мышления» в работах Н. Хомского и другого менталиста из Массачусетса, Дж. Фодора, расходятся. Последний постулировал существование независимого языка мышления, но Н. Хомский не принимал такую интерпретацию [16]. Язык мышления в контексте универсальной грамматики – это концептуально-интенциональный интерфейс И-языка (индивидуального, интерналистского, интенционального языка конкретного человека), который осуществляет генерацию языковых выражений. Концептуально-интенциональный интерфейс является важнейшей частью лингвистического факультета (Language faculty) и не рассматривается как независимая структура мышления.

Язык, по мнению основателя направления, не ограничивается исключительно врожденными механизмами, а включает также внешние данные, усваиваемые в конкретных социокультурных условиях, и общие когнитивные принципы, не специфичные для языка, такие как обучение и вычислительная эффективность [16, p. 51]. В рамках универсальной грамматики термин «обучение» приобретает специфическое концептуальное содержание, отличное от его интерпретации бихевиористами как процесса индуктивного обобщения, опосредованного позитивными и негативными подкреплениями. Обучение, с точки зрения универсальной грамматики, заключается в «спецификации переменных на внутреннем языке» [30, p. 11]: в подборе определенного параметра поверхностного языка, устанавливаемого на основе опытных данных в конкретной социокультурной среде. Основная цель универсальной грамматики не сводится к простой замене процессов «обучения» на «врожденные принципы». Ее фундаментальная задача состоит в выявлении и систематическом анализе тех языковых явлений, которые демонстрируют значительный вклад врожденных факторов в формирование лингвистического знания, что позволяет охарактеризовать природу языковой способности как видовой характеристики человека разумного [11].

Тезис о многокомпонентном составе языковой способности проясняется введенным фундаментальным различием между языком в широком смысле (FLB), охватывающим все поверхностные вариации языков, и уникальным вычислительным компонентом человеческого языка (FLN) [13, p. 1570–1571]. Универсальная грамматика в данной связи ставит предметом своего исследования уникальную способность человеческого вида к овладению языком (FLN), описывая механизмы ее функционирования, но не отвергает всей сложности структур конкретной лингвистической системы (FLB). Данное методологическое различие конкретизируется Н. Хомским в противопоставлении между изучением проблемы эволюции языка, выясняющей ядро инвариантных принципов языкового владения, и проблемы изменчивости, проявляющейся в исторических трансформациях лингвистической системы и охватывающей их фенотипические особенности [16, p. 61]. Для Н. Хомского морфология и фонология являются системами «сложными, разнообразными и подверженными случайным историческим и культурным событиям: Нормандскому завоеванию, подростковому сленгу и т. д.» [16, p. 60].

Таким образом, языковая способность как видовое свойство реализуется посредством универсальной грамматики, представляющей собой систему глубинных когнитивных структур, инвариантных для всех представителей *Homo sapiens* независимо от социальных, географических или культурных различий. Однако их конкретная актуализация происходит в форме I-языка (языка конкретного индивида), формирующемся в процессе онтогенетического развития, опосредованного множеством факторов, включая и индивидуальный социокультурный опыт, и особенности усваиваемой языковой системы: «Фактическое состояние языковых способностей человека является результатом взаимодействия огромного количества факторов, лишь некоторые из которых имеют отношение к исследованию природы языка» [15, p. 127].

По мнению Н. Хомского, начальное состояние языковой способности (универсальной грамматики) систематически изменяется на протяжении нескольких лет жизни (параметризуется), затем достигает стабильного состояния и далее

совершенствует не генетически заложенную систему, а фенотипическое ее проявление (конкретный язык), что Н. Хомский характеризует как «изменения совершенно другого рода, ограниченные в основном подтипами лексических элементов» [12, р. 119]. Особое положение в этой системе занимает лексикон – единственный компонент, лишенный универсальных характеристик, что обуславливает его кросс-культурную вариативность и подверженность процессам индивидуальной семантической дифференциации.

Лексическая единица выражается посредством соответствующего ей словоподобного объекта, который является «внутренним концептуальным символом» [7, с. 131], ментальным представлением, использующимся операцией Merge для отображения на концептуально-интенциональный интерфейс, ответственный за создание значения выражения. Такие концептуальные структуры являются индивидуальными элементами мышления, не имеющими прямой связи с внешней реальностью. Они формируются в результате внутренней когнитивной деятельности, создавая уникальный ментальный мир индивида [7, с. 131–133]. Принцип универсализма, который защищает Н. Хомский в исследованиях языковой деятельности, дополняется принципом интернализма.

В отличие от экстерналистских подходов (Ч. Пирс, Х. Патнэм), где значение слова строго связано с внешними объектами, интернализм подчеркивает, что референция опосредована индивидуальными когнитивными процессами. Например, слово «Лондон» может означать не конкретный город, а абстрактную идею (политический центр, исторический символ), а его интерпретация зависит от знаний говорящего [15, р. 37]. Как утверждает Н. Хомский, при актуализации лексической единицы происходит ее семантическая индивидуализация на концептуально-интенциональном интерфейсе, в результате которой устанавливаемое значение может дистанцироваться от объективной реальности: «Лексические единицы предоставляют нам определенную перспективу для рассмотрения того, что мы принимаем за вещи в мире; они подобны фильтрам или линзам, обеспечивающим определенный способ взгляда на вещи» [12, р. 123]. Таким образом, значение соотносится не с объектами реальности, а является производной от языкового употребления. Как отмечали Дж. Ватумулл и Н. Хомский, мышление как индивидуальный когнитивный акт непосредственно связано со способностью языка актуализировать образы в мышлении и отражать наши представления о реальности [30, р. 34].

Приведенный выше тезис проясняет и отказ универсальной грамматики от рассмотрения коммуникации в качестве основной функции лингвистической системы: «коммуникация опирается на общие для собеседников познавательные силы и оказывается успешной в той мере, в какой общие для собеседников ментальные конструкции, опыт, интересы, пресуппозиции позволяют прийти к более или менее единой точке зрения» [7, с. 131–132]. Теория Н. Хомского, рассматривает функцию коммуникации в качестве второстепенной и признает за языком роль орудия, которое реализует творческий потенциал индивидуального мышления и способствует самовыражению [6, с. 66].

Таким образом, априорность языковых структур и их нередуцируемость к коллективным формам, постулирование границы между автономной генеративной системой и языковыми практиками как производными от нее позволяют сделать вывод о том, что универсальная грамматика концентрируется на исследовании индивидуального мышления в контексте проблемы социокультурной детерминации. Концепция предлагает рассматривать коллективные явления, продуцируемые языком, как вторичные по отношению к индивидуальным когнитивным процессам, в которых творческий потенциал мышления реализуется через априорные когнитивные механизмы: «Сообщества, культуры, модели следования авторитетам и т. д. формируются в человеческой жизни различными путями, без особой связи с тем, что мы называем “языками” в обыденном дискурсе» [15, р. 155].

Таким образом, универсальная грамматика признает влияние социокультурной среды на мышление, проявляющееся, во-первых, в вариативности конкретных языковых систем, формирующихся посредством исторических изменений, во-вторых, в процессе параметризации в ходе онтогенетического развития и усвоения языка, а, в-третьих, в специфике лексического состава. Однако это признание имеет существенные ограничения. Во-первых, социокультурное влияние рассматривается исключительно в рамках индивидуального онтогенетического развития, без учета качественных различий между конкретными культурными контекстами. Во-вторых, исследование коллективных форм (языковое сообщество, публичный язык, социальные нормы коммуникации) остается за пределами возможностей методологического аппарата концепции, хотя легитимность такого изучения Н. Хомским не опровергается [15, р. 156]. Такая редукция объясняется самой природой универсальной грамматики, где видовые характеристики языка фактически устраняют качественные различия между индивидуальным и коллективным уровнями языкового функционирования, поскольку универсальные принципы применимы и для каждого индивида, и для любой группы.

Экспликация форм мышления в проблеме социокультурной детерминации: стратегия лингвистического релятивизма

Гипотеза лингвистической относительности, сформулированная в трудах Э. Сепира и Б. Уорфа, является фундаментом для исследования влияния конкретного языка на мышление и традиционно связывается с проблемой социокультурной детерминации когнитивных процессов. Язык, по мнению сторонников гипотезы, является значимой практикой внутри сообщества, которая оказывает воздействие на представление человека о мире. Основоположники данного направления постулировали, что особенности языка, сложившиеся в определенной культурно-исторической среде, существенно влияют на когнитивные процессы и способы мировосприятия.

Обратимся к пониманию языка, которое встречается в работах Э. Сепира и Б. Уорфа. Первый утверждает, что язык является «коллективным искусством мышления, искусством, свободным от несущественных особенностей индивидуального чувства» [2, с. 193]. Лингвистическую систему Э. Сепир прежде всего понимал как исторически сформированную систему категоризации, «инвентаризацию опыта» [2, с. 100], которая усваивается индивидом в процессе социальной интеракции. Таким образом, язык для Э. Сепира представлял собой коллективно созданную символическую систему, которая оказывает непосредственное воздействие на способ мышления конкретного индивида.

В теории Э. Сепира язык выступал посредником между коллективным и индивидуальным мышлением. Согласно его подходу, в процессе социализации индивид интернализирует языковую систему, которая уже обеспечивает единство мыслительных процессов внутри лингвокультурной общности благодаря своим морфологическим и грамматическим структурам. Нужно отметить, что в теории Э. Сепира концепт коллективного мышления анализировался исключительно в рамках проблемы корреляции между языком и мышлением, при этом исследователь не поддерживает тезис о влиянии лингвистической системы на духовные ценности и эмоциональный темперамент членов социальной группы [2, с. 192–193]. Таким образом, возникновение коллективного мышления фундируется вербальным механизмом, способным привести его носителей к «бессознательному структурированию групп взаимосвязанных элементов опыта» [3, с. 602–604].

Б. Уорф в своих исследованиях поддержал идею Э. Сепира и рассмотрел язык в качестве детерминирующего фактора коллективного мышления. Первый рассматривает грамматические категории как внешнее принуждение, которое навязывается «извне узкому кругу личного сознания, превращая это сознание в простую марионетку, языковые маневры которой подчиняются неосознаваемым и нерушимым узам шаблона» [31, р. 157]. Так же, как и Э. Сепир, Б. Уорф признал, что такой тип

бессознательного следования лингвистической системе является основой для мышления любого индивида данного сообщества. Нормы речевого коллектива рассмотрены Б. Уорфом как соглашение, в которое вступают говорящие, перенимая классификацию и систематизацию внешнего опыта, поддерживаемого определенной языковой группой. Автор утверждает невозможность автономного мышления, не опосредованного языковыми структурами коллективного характера [4, с. 209–210]. Заметим, что в концепции Б. Уорфа культурные нормы не выступают основой коллективного мышления. Как утверждал автор, хотя язык и культура взаимосвязаны, прямой корреляции между социокультурными и языковыми структурами обнаружить не удастся [4, с. 210].

Таким образом, в рамках концепций Э. Сепира и Б. Уорфа индивидуальное мышление понимается как производное от коллективных языковых структур. Грамматические и морфологические формы, нормативные для социальной общности, к которой принадлежит индивид, бессознательно усваиваются членами группы и определяют параметры мыслительной деятельности. Данная теоретическая позиция объясняет исследовательский акцент Э. Сепира и Б. Уорфа на анализе коллективных аспектов мышления, формируемых языковыми структурами.

Современные исследования в данной области демонстрируют существенную трансформацию исходных положений гипотезы лингвистической относительности: тезис о детерминации мышления языком пересматривается, а фокус изучения проблемы смещается к вопросу о роли лингвистической системы в осуществлении когнитивных процессов. Изменение главного исследовательского вопроса лингвистического релятивизма привели С. Ю. Бородая к утверждению о том, что сама гипотеза лингвистической относительности и выделение ее слабых и сильных версий негативным образом влияет на концептуализацию тех явлений относительно связи вербального комплекса и мышления, которые становятся центральными идеями в современных версиях концепций о связи языка и познания [1, с. 12].

На конференции, посвященной переосмыслению лингвистической относительности, С. Левинсон и Дж. Гумперц отвергли жесткий детерминизм, основываясь на нескольких предпосылках: появившиеся исследования универсалий в функционировании языка и когнитивном развитии, выявление некоторых форм мышления, не зависящих от языка, а также слабую эмпирическую базу сильной версии гипотезы. Несмотря на представленные доводы, авторы приняли тезис о том, что язык является продуктом социокультурной системы. В рамках конференции была подчеркнута необходимость комплексного исследования как универсальных когнитивных механизмов, так и специфики социокультурного контекста в процессе индивидуального развития для изучения проблемы взаимоотношения языка и мышления [20, р. 614–615].

В ходе анализа вариативности систем пространственной ориентации С. Левинсон выделяет три фундаментальные модели, детерминирующие характерные когнитивные особенности пользователей каждой конкретной системы отсчета. Например, носители внешней системы отсчета (ориентация по сторонам света или объектам природного ландшафта) постоянно вычисляют свое положение относительно сторон света, что влияет на функционирование памяти, а также отражается в построении специализированных ментальных пространственных карт, носители же реляционной системы отсчета (лево, право) не демонстрируют такой вид навигационной способности [25]. Автор подчеркивает, что язык является «изученной, публичной, транслируемой системой» [25, р. 290], поэтому наличие общих и разделяемых социальной группой коннотаций является основой использования такой знаковой системы.

Несмотря на выделение социализирующей роли лингвистической структуры, автор утверждает, что «языки навязывают совершенно разные наборы концептуальных различий почти в каждом предложении» [25, р. 317]. Выделение индивидуальных форм мышления наряду с коллективными не означает отказ от последних, а представляет собой диалектическое единство: вербальная система как форма коллективного знания становится условием ее эффективного использования

в социальной группе, но не провоцирует тождество ментальных представлений у членов общности.

Одним из значимых исследований, проведенных в контексте проблемы социокультурной детерминации мышления, является исследование Д. Эверетта. В отличие от описанных вариантов лингвистического релятивизма, автор утверждает, что культурные факторы влияют на формирование лингвистической системы и мышление членов сообщества. Несмотря на то, что лингвистический релятивизм не признает прямого влияния культуры на язык, по мнению сторонников данной стратегии, он участвует в трансляции социокультурной значимой информации.

Обоснование концепции Д. Эверетт строит на основе исследования племени пираха. Язык пираха, описанный Д. Эвереттом, характеризуется рядом уникальных черт, таких как отсутствие цветообозначений, числительных, относительных времен и – что стало наиболее дискуссионным открытием – рекурсии. При этом Н. Хомский, чья теория постулирует рекурсию как фундаментальное свойство языка, не признает этот факт свидетельством отличия когнитивных способностей данного племени от других людей. По замечанию М. Хаузера, В. Фитча и Н. Хомского, врожденная способность человека осваивать язык – это способность, охватывающая все существующее лингвистическое разнообразие, но не ограничивающая ее конкретные проявления: «Ребенок из народа пираха, воспитанный в португалоязычной, англоязычной или китайской среде, освоит эти языки с той же легкостью, что и родной, точно так же, как этот же ребенок мог бы выучить принцип рекурсивной вложенности скобок в математике или язык программирования с рекурсивной структурой» [18, p. 203].

Культура племени также характеризуется рядом особенностей: простейшая система родства, отсутствие мифов о сотворении мира, рисунков, простейший уклад быта. Антропологический анализ Д. Эверетта выявляет в культуре пираха уникальную структуру, которая является основой коллективного мышления – принцип непосредственности восприятия. Данный принцип в концепции автора является культурным ограничением, которое отражает специфику функционирования когнитивных процессов индейцев: опыт пираха определяется настоящим моментом и ограничивает рассуждения об абстрактных объектах или прошлых и будущих событиях [10, с. 143]. Непосредственность восприятия объясняет в теории автора уникальные лингвистические явления, например, отсутствие числительных, цветообозначений и рекурсии, т. к. такие лингвистические явления требуют «обобщений за пределами непосредственного опыта» [10, с. 142].

Как отмечает Д. Эверетт, язык представляет собой культурный инструмент, обусловленный потребностями конкретного социума. Его роль заключается в отражении коллективного мышления: структура и семантика языка формируются в ответ на специфическое социальное поведение сообщества. Примером данного тезиса может стать отсутствие числительных в языке пираха. Как показывает Д. Эверетт, данная особенность обусловлена отсутствием культурной необходимости в математическом знании, что отражает адаптацию языковой системы к образу жизни и коллективным практикам этого общества [17].

Несмотря на категоричность исходного тезиса Д. Эверетта о детерминизме, взаимосвязь языка и культуры не может оспариваться: язык – это форма коллективной символизации ценностных и материальных аспектов реальности. Э. Сепир, Б. Уорф, Дж. Люси, Дж. Гумперц, С. Левинсон, Р. Лангакер, Л. Талми и др. признают, что корреляции лингвистической системы и культурных форм необходимы для существования языка и функционирования совместной деятельности, но рассматривают язык как медиатор между культурой и мышлением. Д. Эверетт, в свою очередь, концентрируется на выявлении прямых зависимостей между языком, мышлением и культурой и исследует влияние коллективных форм деятельности и ценностей на функционирование когнитивных процессов.

Одним из значимых исследований, прослеживающих функции языка как культурного инструмента, представляет собой когнитивная семантика. Ее яркие представители, Л. Талми и Р. Лангакер, изучают «качественные психические явления в том виде, в каком они существуют в сознании» [27, р. 4]. Данный ракурс исследования подчеркивает значение индивидуального мышления. Несмотря на фокус исследований указанных авторов на анализе грамматико-лексических структур и их когнитивных функций, они разделяют фундаментальное положение о языке как социокультурном феномене.

Согласно Р. Лангакеру, значение языкового выражения интегрирует как индивидуальное знание говорящего, так и коллективный языковой опыт. При этом автор подчеркивает приоритет индивидуального мышления: «Для целей изучения языка как части познания значение выражения – это прежде всего его значение для отдельного (репрезентативного) говорящего» [23, р. 30]. Несмотря на акцент на самостоятельном мышлении, значение в разуме говорящего представляется как диалектическое единство социально-организованных элементов языка (словарных значений) и их персональной обработки, основанной на индивидуальном психическом опыте (сенсорном, двигательном, моторном опыте, фоновых знаниях, восприятии физического, языкового, социального контекста и др.). Таким образом, в исследованиях когнитивной семантики, при доминирующей роли индивидуального мышления в анализе когнитивных аспектов языка, признается его социальная природа как продукта коллективного взаимодействия.

Таким образом, исследования лингвистической относительности охватывают как коллективное, так и индивидуальное мышление. Эволюция взглядов на роль языка в познании отражает переход от трактовки языка как детерминанты коллективного мышления в трудах Б. Уорфа и Э. Сепира к признанию взаимосвязи между индивидуальным и коллективным мышлением. Современные исследования лингвистической относительности исследуют роль языка как семиотической системы: будучи общей для социальной группы, она допускает индивидуальные вариации в установлении связей между реальностью и ментальными репрезентациями.

Выводы

Проведенный анализ демонстрирует, что концепции универсальной грамматики Н. Хомского и лингвистического релятивизма исследуют различные формы мышления в контексте проблемы его социокультурной детерминации. Универсальная грамматика Н. Хомского фокусируется на индивидуальном мышлении, которое обеспечивается биологически детерминированной системой языка, продуцирующей автономный И-язык, и не рассматривает коллективные формы мышления. Лингвистический релятивизм, эволюционируя от рассмотрения языковых структур в качестве продукта коллективного мышления, определяющего самостоятельные когнитивные способности, переходит к современным трактовкам языка как социокультурного инструмента, опосредующего процесс концептуализации отдельного говорящего.

Таким образом, фундаментальное различие между универсальной грамматикой и лингвистическим релятивизмом заключается в способах объяснения механизмов социокультурной детерминации мышления. Парадоксальным образом, универсальная грамматика, утверждая врожденные универсальные механизмы языка, приводит к релятивизации индивидуального мышления, исключая регулятивные принципы интерпретации значений выражения. Лингвистический релятивизм, в свою очередь, изучая культурно-специфическое языковое влияние, фактически выявляет универсальные когнитивные механизмы внутри конкретных языковых сообществ. Современные версии обеих теорий демонстрируют комплементарность, признавая роль социокультурных факторов в языковом освоении и использовании, но при этом сохраняют свою специфику: универсальная грамматика фокусируется на индивидуальном когнитивном развитии, а лингвистический релятивизм – на коллективных языковых репрезентациях. Это различие отражает не противоречие, а дополнительность

анализа индивидуальных и коллективных форм мышления, каждый из которых требует собственной методологии исследования.

Язык представляет собой универсальное достояние человечества – им в равной мере обладает каждый представитель нашего вида (при отсутствии патологий в речевом развитии), что является фундаментальным фактом. Однако эта универсальность проявляется посредством единства индивидуального и коллективного: с одной стороны, каждый носитель языка использует его как персональный когнитивный инструмент, с другой – сама возможность такого использования обусловлена погруженностью в систему культурных конвенций. Это диалектическое противоречие раскрывает двойственную природу языка: будучи внутренним психическим механизмом, он одновременно существует как внешняя, исторически сложившаяся социальная практика. Таким образом, индивидуальное языковое сознание всегда оказывается точкой пересечения биологических предпосылок и культурно-исторических влияний, что делает язык одновременно и личным достоянием индивида, и коллективным наследием сообщества.

Таким образом, универсальная грамматика прослеживает генеративную способность языка как феномена индивидуального мышления, а лингвистический релятивизм фокусируется на изучении языка как социокультурной предпосылки индивидуального и коллективного мышления. Комплексный подход в решении проблемы взаимоотношения языка и мышления позволит преодолеть мнимую противоположность концепций, отказавшись от редукции форм индивидуального и коллективного мышления. Модель, учитывающая и врожденные когнитивные структуры, и социокультурную обусловленность лингвистической деятельности будет приближена к адекватному объяснению феномена связи человеческого языка и мышления. В таком случае особенно важной задачей для двух направлений станет определение границ индивидуальных эффектов языкового использования и коллективно продуцируемых когнитивных явлений.

Список источников

1. Бородай, С. Ю. Язык и познание: введение в пострелятивизм / С. Ю. Бородай ; отв. ред. В. А. Лекторский, А. В. Смирнов. – Москва : ЯСК, 2020. – 799 с.
2. Сепир, Э. Бессознательные стереотипы поведения в обществе / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – Москва : Прогресс, Универс, 1993. – С. 26–203.
3. Сепир, Э. Язык / Э. Сепир // Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. – Москва : Прогресс, Универс, 1993. – С. 594–611.
4. Уорф, Б. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики и о том, как слова и обычаи влияют на наше мышление / Б. Уорф // Языки как образ мира. Антология / под ред. К. Королева. – Москва : АСТ, 2003. – С. 202–220.
5. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б. Уорф // Языки как образ мира. Антология / под ред. К. Королева. – Москва : АСТ, 2003. – С. 157–202.
6. Хомский, Н. О природе и языке. С очерком «Секулярное священство и опасности, которые таит демократия» / Н. Хомский. – Москва : КомКнига, 2005. – 288 с.
7. Хомский, Н. Человек говорящий. Эволюция и язык / Н. Хомский, Р. Бервик. – Санкт-Петербург : Питери, 2019. – 304 с.
8. Шестакова, М. А. Индивидуальное мышление в контексте принципа плюрализма / М. А. Шестакова // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. – 2005. – № 4. – С. 3–18.
9. Эверетт, Д. Как начинался язык. История величайшего открытия / Д. Эверетт. – Москва : Альпина Диджитал, 2017. – 205 с.
10. Эверетт, Д. Не спи – кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Д. Эверетт. – Москва : ЯСК, 2016. – 378 с.
11. Berwick, R. C. Poverty of the Stimulus Revisited / R. C. Berwick, P. Pietroski, V. Yankama, N. Chomsky // *Cognitive Science*. – 2011. – Vol. 35, iss. 7. – P. 1207–1242. – doi: 10.1111/j.1551-6709.2011.01189.x.

12. Chomsky, N. Language from an Internalist Perspective / N. Chomsky // The future of the cognitive revolution / ed. D. Johnson, Ch. Erneling. – New York : Oxford University Press, 1997. – P. 118–135.
13. Chomsky, N. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? / N. Chomsky, M. D. Hauser, W. T. Fitch // Science. – 2002. – Vol. 298, iss. 5598. – P. 1569–1579. – doi: 10.1126/science.298.5598.1569.
14. Chomsky, N. What kind of creatures are we? (Columbia Themes in Philosophy) Includes bibliographical references and index / N. Chomsky. – Columbia : Columbia University Press E-book, 2016. – 140 p.
15. Chomsky, N. New Horizons in the Study of Language and Mind / N. Chomsky. – New-York : Cambridge University Press, 2000. – 230 p.
16. Chomsky, N. Some simple evo devo theses: how true might they be for language? / N. Chomsky // The evolution of Human Language. Biolinguistic Perspectives / ed. R. K. Larson, V. Déprez, H. Yamakido. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – P. 45–62.
17. Everett, D. Language: the cultural tool / D. Everett. – Great Britain : CPI Group, 2013. – 351 p.
18. Fitch, W. The evolution of the language faculty: Clarifications and implications / W. Fitch, M. Hauser, N. Chomsky // Cognition. – 2005. – Vol. 97, iss. 2. – P. 179–210. – doi: 10.1016/j.cognition.2005.02.005.
19. Gallaher, Sh. The socially extended mind / Sh. Gallaher // Cognitive systems research. – 2013. – Vol. 25–26. – P. 4–12. – DOI: 10.1016/j.cogsys.2013.03.008.
20. Gumperz, J. J. Rethinking linguistic relativity / J. J. Gumperz, S. C. Levinson // Current Anthropology. – 1991. – Vol. 32 (5). – P. 613–623.
21. Huebner, B. Collective intentionality and socially extended minds / B. Huebner, M. Gallotti // Philosophical Psychology. – 2017. – Vol. 3, iss. 3. – P. 251–268. – doi: 10.1080/09515089.2017.1295629.
22. Hutchins, E. The cultural ecosystem of human cognition / E. Hutchins // Philosophical Psychology. – 2014. – Vol. 27, № 1. – P. 34–49. – doi: 10.1080/09515089.2013.830548.
23. Langacker, R. Cognitive Grammar: A Basic Introduction / R. Langacker. – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 562 p.
24. Levinson, S. C. From outer to inner space: Linguistic categories and non-linguistic thinking / S. C. Levinson // Language and conceptualization / ed. J. Nuyts, E. Pederson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – P. 13–45.
25. Levinson, S. C. Space in language and cognition: explorations in cognitive diversity / S. C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 389 p.
26. Slors, M. A cognitive explanation of the perceived normativity of cultural conventions / M. Slors // Mind & Language. – 2019. – Vol. 36 (1). – P. 62–80. – doi: 10.1111/mila.12265.
27. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy. – Cambridge, MA : The MIT Press, 2000. – Vol. 1: Concept structuring systems. – 495 p.
28. Tomasello, M. Becoming human: a theory of ontogeny / M. Tomasello. – Cambridge, Massachusetts : The Belknap Press of Harvard University Press, 2019. – 379 p.
29. Tomasello, M. Understanding and sharing intentions: The origins of cultural cognition / M. Tomasello // Behavioral and Brain sciences. – 2005. – Vol. 28 (5). – P. 675–691. – doi: 10.1017/S0140525X05000129.
30. Watumull, J. Rethinking universality / J. Watumull, N. Chomsky // Syntactic architecture and its consequences II: Between syntax and morphology / ed. T. Biberauer, S. Vikner, A. Barany, J. Douglas. – Berlin : Language Science Press, 2020. – P. 3–24.
31. Whorf, B. L. Language, mind and reality / B. L. Whorf // Language, thought, and reality. Selected writings of Benjamin lee Whorf. – Cambridge, Massachusetts : The M. I. T. Press, 1956. – P. 246–270.

References

1. Boroday, S. Yu. *Yazyk i poznanie: vvedenie v postrelyativizm* [Language and Cognition. An Introduction to the Postrelative Theory]. Moscow: YASK; 2020, 800 p.
2. Sepir, E. Bessoznatelnye stereotipy povedeniya v obshchestve [The Unconscious patterning of behavior in society]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow: Progress, Univers; 1993, pp. 270–284.
3. Sepir, E. Yazyk [Language]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow: Progress, Univers; 1993, pp. 223–247.

4. Whorf, B. L. Nauka i yazykoznanie [Science and linguistics]. *Yazyki kak obraz mira. Antologiya* [Languages as a worldview. Anthology]. Moscow: AST; 2003, pp. 202–220.
5. Whorf, B. Otnoshenie norm povedeniya i myshleniya k yazyku [The relation of habitual thought and behavior to language]. *Yazyki kak obraz mira. Antologiya* [Languages as a worldview. Anthology]. Moscow: AST; 2003, pp. 157–202.
6. Chomsky, N., Bervik, R. *Chelovek govoryashchij. Evolyuciya i yazyk* [Why Only Us. Language and Evolution]. Saint Petersburg: Piteri; 2019, 304 p.
7. Chomsky, N. *O prirode i yazyke. S ocherkom "Sekulyarnoe svyashchenstvo i opasnosti, kotorye tait demokratiya"* [On nature and language. With an Essay on "The Secular Priesthood and the Perils of Democracy"]. Moscow: KomKniga; 2005, 288 p.
8. Shestakova, M. A. Individualnoe myshlenie v kontekste principa plyuralizma [Individual Thinking in the Context of Pluralism Principle]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7 "Filosofiya"* [Moscow University Bulletin. Series 7 "Philosophy"]. 2005, no. 4, pp. 3–18.
9. Everett, D. *Kak nachinalsya yazyk. Istoriya velichayshego otkrytiya* [How language began: the story of humanity's greatest invention]. Moscow: Alpina Didzhital; 2017, 205 p.
10. Everett, D. *Ne spi – krugom zmei! Byt i yazyk indejcev amazonskih dzhungley* [Don't Sleep, There Are Snakes: Life and Language in the Amazonian Jungle]. Moscow: YASK; 2016, 384 p.
11. Berwick, R. C. Pietroski P. Yankama B. Chomsky N. Poverty of the Stimulus Revisited. *Cognitive Science*. 2011, vol. 35, iss. 7, pp. 1207–1242, doi: 10.1111/j.1551-6709.2011.01189.x.
12. Chomsky, N. Language from an Internalist Perspective. *The future of the cognitive revolution*. Ed. by D. Johnson, Ch. Erneling. New York: Oxford University Press; 1997, pp. 118–135.
13. Chomsky, N., Hauser, M. D., Fitch, W. T. The Faculty of Language: What Is It, Who Has It, and How Did It Evolve? *Science*. 2002, vol. 298, iss. 5598, pp. 1569–1579, doi: 10.1126/science.298.5598.1569.
14. Chomsky, N. *What kind of creatures are we? (Columbia Themes in Philosophy) Includes bibliographical references and index*. Columbia: Columbia University Press E-book; 2016, 140 p.
15. Chomsky, N. *New Horizons in the Study of Language and Mind*. New-York: Cambridge University Press; 2000, 230 p.
16. Chomsky, N. Some simple evo devo theses: how true might they be for language? *The evolution of Human Language. Biolinguistic Perspectives*. Ed. by R. K. Larson, V. Déprez, H. Yamakido. Cambridge: Cambridge University Press; 2010, pp. 45–62.
17. Everett, D. *Language: the cultural tool*. Great Britain: CPI Group; 2013, 351 p.
18. Fitch, W., Hauser, M., Chomsky, N. The evolution of the language faculty: Clarifications and implications. *Cognition*. 2005, vol. 97, iss. 2, pp. 179–210, doi: 10.1016/j.cognition.2005.02.005.
19. Gallaher, Sh. The socially extended mind. *Cognitive systems research*. 2013, vol. 25–26, pp. 4–12, doi: 10.1016/j.cogsys.2013.03.008.
20. Gumperz, J. J., Levinson, S. C. Rethinking linguistic relativity. *Current Anthropology*. 1991, vol. 32 (5), pp. 613–623.
21. Huebner, B., Gallotti, M. Collective intentionality and socially extended minds. *Philosophical Psychology*. 2017, vol. 3, iss. 3, pp. 251–268, doi: 10.1080/09515089.2017.1295629.
22. Hutchins, E. The cultural ecosystem of human cognition. *Philosophical Psychology*. 2014, vol. 27, no. 1, pp. 34–49, doi: 10.1080/09515089.2013.830548.
23. Langacker, R. *Cognitive Grammar: A Basic Introduction*. Oxford: Oxford University Press; 2008, 562 p.
24. Levinson, S. C. From outer to inner space: Linguistic categories and non-linguistic thinking. *Language and conceptualization*. Ed. by J. Nuyts, E. Pederson. Cambridge: Cambridge University Press; 1997, pp. 13–45.
25. Levinson, S. C. *Space in language and cognition: explorations in cognitive diversity*. Cambridge: Cambridge University Press; 2003, 389 p.
26. Slors, M. A cognitive explanation of the perceived normativity of cultural conventions. *Mind & Language*. 2019, vol. 36 (1), pp. 62–80, doi: 10.1111/mila.12265.
27. Talmy, L. *Toward a Cognitive Semantics*. Cambridge, MA: The MIT Press; 2000, vol. 1, 495 p.
28. Tomasello, M. *Becoming human: a theory of ontogeny*. Cambridge, Massachusetts: The Belknap Press of Harvard University Press; 2019, 379 p.
29. Tomasello, M. Understanding and sharing intentions: The origins of cultural cognition. *Behavioral and Brain sciences*. 2005, vol. 28 (5), pp. 675–691, doi: 10.1017/S0140525X05000129.
30. Watumull, J., Chomsky, N. *Rethinking universality. Syntactic architecture and its consequences II: Between syntax and morphology*. Ed. by T. Biberauer, S. Vikner, A. Barany, J. Douglas. Berlin: Language Science Press; 2020, pp. 3–24.

31. Whorf, B. L. *Language, mind and reality. Language, thought, and reality*. Selected writings of Benjamin lee Whorf. Cambridge, Massachusetts: The M. I. T. Press; 1956, pp. 246–270.

Информация об авторе

Мулялкина М. А. – аспирант.

Information about the author

Mulyalkina M. A. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 06.10.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 06.10.2025; accepted for publication 29.12.2025.